

ИСТОРИИ

**Почему правящие элиты
не останавливают войну? А крупный
бизнес? Как в элите стали доминировать
силовики? Почему в 1990-х
не произошла перезагрузка власти?
Объясняет (очень подробно!) экономист
Андрей Яковлев**

12:04, 28 мая 2022 · Источник: Meduza

Фото: Дмитрий Азаров / Коммерсантъ. Справа налево: помощник президента Максим Орешкин, министр финансов Антон Силуанов, президент Владимир Путин и председатель Центробанка Эльвира Набиуллина

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Военное вторжение России в Украину длится уже больше трех месяцев. За все это время в руководстве страны не произошло никаких⁽¹⁾ громких отставок, никто из высших чиновников не выступил с публичной критикой войны. О том, что теперь чувствуют российские элиты, почему они не пытаются повлиять на президента и исход войны и как вышло, что система смены правящего класса в России перестала работать сразу после развала СССР, «Медуза» поговорила с кандидатом экономических наук, лауреатом Премии Гайдара по экономике Андреем Яковлевым.

Андрей Яковлев

— С начала войны многие задаются вопросом: что же думают элиты в России? Почему в большинстве своем никак не пытаются

остановить войну и что они вообще думают хотя бы о своем собственном будущем?

— Я думаю, что с 24 февраля очень многие люди вместо обсуждения планов на будущее стали жить лишь в текущей реальности с ежедневными сводками о миллионах беженцев, обстрелах городов и новых жертвах войны в Украине. Сейчас наступает осознание, что этот ужас может тянуться еще месяцы и годы. Но за этим повседневным ужасом важно также видеть и понимать другое: Россия стоит на пороге больших перемен.

Я не знаю, когда они начнутся — через три месяца (по российской августовской традиции) или через полтора-два года. Но очевидно, что в связи с продолжающейся войной против Украины и тотальными санкциями Россия входит в глубокий экономический кризис. Он будет сопровождаться ростом социального напряжения и раньше или позже приведет к политическому кризису. Поэтому уже сейчас важно начинать думать о том, куда мы придем после войны и после неизбежной смены власти.

— Неизбежной? И какой она будет?

— Отталкиваясь от исторических аналогий, можно выделить два базовых сценария. Первый — это полный крах старой системы и приход к власти совершенно новых людей, никак не связанных со старым режимом.

Примеры такого рода — Франция 1789 года⁽²⁾ или Россия 1917 года.

Другой сценарий — трансформация старой системы с переходом ее в новое качество. Этот процесс может быть очень болезненным — как это было в начале 1990-х с бывшими республиками СССР или в середине 1990-х в ЮАР⁽³⁾ после отказа от апартеида.

Я сознательно не рассматриваю варианты военного поражения с последующей оккупацией страны, как это произошло с Германией и Японией в 1945 году, — просто потому, что никто Россию оккупировать не будет.

Нынешний режим рухнет сам под грузом экономических проблем. Различия между этими двумя базовыми сценариями в том, что первый, как правило, сопровождается физическим уничтожением старой элиты и гибелью массы обычных людей. Второй сценарий сопряжен с большими экономическими потерями и для элит, и для широких масс, но он реализуется не ценой их жизни.

МАКСИМ ТРУДОЛЮБОВ О ВЫСШЕМ РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ ДО ВОЙНЫ

Заслуживает ли российская власть нашего гнева?

Максим Трудолюбов рассказывает, как политики крадут эмоции людей. И советует книги, помогающие их вернуть

— И от чего зависит, по какому сценарию может развиваться ситуация?

— Ключевой фактор — это качество элит и их способность в ситуации острого системного кризиса договориться друг с другом, а также с представителями более широких групп, претендующих на иную роль в экономике и обществе. Под элитами здесь я имею в виду те достаточно узкие влиятельные группы, которые принимают ключевые решения в экономике и политике.

В этой связи стоит сделать важное теоретическое отступление. О роли элит в общественном развитии написаны сотни книг и статей, но я выделил бы две теории, которые приобрели широкую известность в последние годы. Первая из них — это концепция экстрактивных и инклюзивных институтов⁽⁴⁾ [экономистов] Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона.

Подробнее о теории Аджемоглу и Робинсона

Она строится на серии формальных моделей на стыке экономики и политологии и исходит из того, что именно элиты формируют общественные институты. При этом изначально элиты создают экстрактивные институты, которые обеспечивают извлечение ренты для них самих,

и лишь под сильным давлением масс и при определенном наборе иных условий элиты могут начать двигаться в сторону инклюзивных институтов, которые открывают возможности развития для широких социальных групп.

Вторая теория — это концепция «порядков ограниченного доступа» (limited access orders), предложенная в последних работах одного из основоположников институциональной экономики, нобелевского лауреата Дугласа Норта⁽⁵⁾ и его соавторов, экономического историка Джона Уоллиса и политолога Барри Вайнгаста. Они также подчеркивают роль элит, но не считают элиты единым актором.

В их интерпретации именно на основе внутриэлитных конфликтов и договоренностей между элитами о распределении и перераспределении рент формируются социальные порядки ограниченного или открытого (свободного) доступа. Мне лично эта концепция кажется более адекватной для анализа происходящего в России, и я буду использовать ее для анализа взаимоотношений между основными группами в российской элите.

Что такое «порядки ограниченного доступа»

Обычно экономисты выносят фактор насилия за скобки, но Норт, Уоллис и Вайнгаст в их книге «Насилие и социальные порядки» показывают, как важна его роль в экономическом развитии. С древнейших времен у человека возникал выбор: либо заниматься чем-то производительным — охотиться, ловить рыбу, сеять зерно — и за счет этого кормить семью, либо насильственно отбирать все необходимое у других членов сообщества. В интерпретации Норта с соавторами государство возникает как механизм, пытающийся ограничить такого рода насилие. Но при этом в абсолютном большинстве стран государство не обладает монополией на насилие. Такая монополия сегодня есть лишь в 20–25 наиболее развитых странах. Во всех остальных случаях элиты сохраняют возможность применения насилия по отношению друг к другу и к другим социальным группам — если они не получают достаточных компенсаций за неприменение насилия. Потребность в таких компенсациях для элит означает необходимость наличия рент⁽⁶⁾, которые возникают благодаря барьерам входа на тот или иной рынок.

Общества, стабильность которых основывается на распределении рент между элитными группами, Норт с соавторами называют «порядками ограниченного доступа». Альтернативой им выступают порядки открытого или свободного доступа, в которых

существуют независимые от государства «бессрочные организации», выражающие интересы широких социальных групп, сложились механизмы коллективного контроля элит над применением насилия и действуют принципы верховенства права. Порядки свободного доступа эффективнее порядков ограниченного доступа, однако переход от ограниченного к открытому доступу занимает десятилетия и в течение этого периода должны сохраняться источники рент для элит.

Как показал опыт многих стран (например, Югославии или латиноамериканских стран), снятие барьеров в экономической и политической жизни одновременно размывает ренты, которые сдерживали применение насилия элитами. Именно этим можно объяснять рост криминала, гражданские войны, военные перевороты во многих развивающихся странах после попыток либеральных реформ. С учетом этого Норт, Уоллис и Вайнгаст делают вывод, что центральная проблема [экономического и социального] развития заключается в том, как повысить зрелость и обеспечить позитивную динамику порядков ограниченного доступа, в которых по-прежнему живет подавляющая часть населения Земли.

Однако, помимо участия в принятии ключевых решений, для определения элит есть еще одно важное

измерение. Влиятельные группы могут получить власть благодаря своим капиталам или силовому ресурсу, но сохранять свои позиции как элита они могут только тогда, когда они производят смыслы и формируют ценности для общества, создают образ желаемого будущего. Наличие общих ценностей (в противовес тотальному цинизму) важно и для самих элит — поскольку такие ценности облегчают диалог между группами в элитах и делают возможным достижение договоренностей о правилах игры.

— **Есть ли эти общие ценности у российских элит?**

— Здесь надо начать с истории наших элит. Важной особенностью Советского Союза было то, что в его основе лежала прогрессистская по своей сути идеология: «Мы несем светлое будущее на весь мир и ради этого сегодня жертвуем чем-то». Эта идеология базово поддерживала всю систему. Но с середины 1960-х она стала разваливаться.

В этом смысле был очень характерен период [Никиты] Хрущева. При Хрущеве мы полетели в космос, тогда же началось массовое создание новых университетов⁽⁷⁾ — то есть были действительно большие вложения в науку и образование. Когда Хрущев в 1957 году заявлял⁽⁸⁾, что СССР за три года догонит и перегонит Америку по производству масла, молока и мяса на душу населения, он, судя по всему, в это искренне верил: раз

уж мы победили в войне, бомбу создали, запустили спутник, то уж это мы точно можем сделать. Это было глубочайшее заблуждение, связанное с тем, что после всех сталинских репрессий во власти остались люди, совершенно некомпетентные в экономике. Тем не менее люди в элите в этот период сами еще верили в коммунистические идеалы.

Когда попытки Хрущева «догнать и перегнать» явно рухнули, это стало подрывом основ режима именно с точки зрения очевидного расхождения между декларируемыми установками и тем, что происходит в реальности. При Хрущеве СССР реально пытался конкурировать с другим мировым порядком. Люди, которые жили в Советском Союзе — и обычные люди, и люди наверху, — верили в то, что это возможно. Естественно, большую роль здесь играли пропаганда и железный занавес, закрывавший доступ к информации. Но напомним, что практически все шестидесятники выступали не против режима, а за социализм с человеческим лицом.

В этом смысле поворотной точкой стал ввод войск в Чехословакию⁽⁹⁾ в 1968 году. Пойдя на этот шаг, высшая советская элита, по сути, признала идеологическое поражение в конкуренции с Западом — и от продвижения коммунистических идей они перешли к защите рубежей. Примерно с этого времени элита начала жить по двойным стандартам: когда

на партийных съездах по-прежнему говорили о великих целях, но при этом ширпотреб и бытовую технику для себя привозили из загранкомандировок, а в своем кругу можно было поделиться новым анекдотом про Леонида Ильича.

Помимо этой утраты ценностей и загнивания наверху был и другой важный фактор, связанный с возможностями социального лифта. В этом отношении важен пример Китая. Начиная с Дэн Сяопина в течение почти 40 лет в отсутствие политической конкуренции, нормальных судов, свободных СМИ в Китае обеспечивался бурный экономический рост: потому что система стимулов для госаппарата предполагала возможность и высокие шансы на карьерное продвижение для региональных чиновников, если в своей провинции они обеспечивали рост валового продукта и привлечение инвестиций. Важным элементом этой системы стимулов были гарантированные вакансии наверху, поскольку до прихода к власти Си Цзиньпина каждые 10 лет в Китае происходила смена «поколений руководителей»⁽¹⁰⁾. И поэтому люди, работавшие на нижних этажах и игравшие по правилам, понимали, что у них есть реальный шанс попасть на самый верх.

Парадоксальным образом в Советском Союзе система долгое время была похожей — не в силу регулярных ротаций, как в Китае, а из-за сталинских репрессий.

Затем было существенное обновление партийного аппарата при Хрущеве. При этом фактором карьерного продвижения для молодых кадров была способность добиваться результатов — прежде всего в части выполнения спущенных сверху плановых заданий. А потом, при Брежневe, система изменилась, стала клановой — и пришедшие с ним кадры просидели на своих постах до самой смерти в начале 1980-х. Для тех, кто был на этаж или два ниже, это имело сильный негативный эффект. Из-за невозможности реального карьерного продвижения люди в партийном и госаппарате все больше занимались имитацией деятельности.

Это моральное разложение в наибольшей степени отразилось на детях номенклатурной элиты. Они могли ездить в загранкомандировки, обеспечивая себе хорошую жизнь, а построение коммунизма их абсолютно не интересовало. Но власть они получить не могли, так как засидевшиеся на своих постах старцы не пускали их наверх. При этом молодые кадры видели, что на Западе элиты живут гораздо лучше. И проигрыш СССР в экономической конкуренции с Западом с последующим кризисом плановой системы стал для них хорошим поводом попытаться прийти к власти, используя новые лозунги рынка и демократии. Наша проблема была в том, что на смену старой советской номенклатуре пришла не другая элита, а младшее

поколение той же номенклатуры, выросшее в 1970–1980 годы и максимально циничное.

О СОВРЕМЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ

Что представляет собой номенклатура России сейчас? И как «молодых технократов» (которых никто не успел запомнить) уже сменили «управленцы новой волны»?

— То есть у них изначально этих ценностей не было? Они изначально не верили в светлую идею построения уже теперь не коммунизма, а капитализма?

— Они не верили в «светлые идеи», а просто хотели рынка и свободы для себя лично. Конечно, были исключения — такие как академик [Андрей] Сахаров или Егор Гайдар⁽¹¹⁾. Но таких людей было мало, и в этом СССР сильно отличался от Восточной Европы.

Во-первых, при всех репрессиях⁽¹²⁾, которые были в 1956-м в Венгрии или в 1968-м в Чехословакии, таких масштабов уничтожения или выдавливания инакомыслящих из страны там не было. Да, часть из них попадала в тюрьмы, другие уезжали, но многие просто лишались партийных билетов и оказывались научными сотрудниками в каком-то НИИ. Тем не менее они оставались в стране и объективно выступали в роли контрэлиты.

У нас режим существовал гораздо дольше — три с лишним поколения, а в Восточной Европе — всего два. То есть там к 1989 году физически оставались люди, которые помнили, что было до 1949 года⁽¹³⁾. И этот исторический опыт на выборах помогал обычным людям отделять людей с ценностями от демагогов, использовавших лозунги рынка и демократии в своих личных целях.

Безусловно, важным фактором там был Евросоюз и европейская идея⁽¹⁴⁾, которая играла объединяющую роль для общества. Тем не менее само наличие контрэлиты в кризисных ситуациях делает возможным приход к власти новых людей с другими ценностями, которые, опираясь на эти ценности, начинают что-то строить. Это не всегда получается, но как минимум это дает больше шансов для реальных изменений.

В этом смысле характерна и китайская история. Отличие китайской ситуации [от советской] было в том, что там была элита, которая вместе с Мао Цзэдуном⁽¹⁵⁾ с 1930-х воевала в партизанских отрядах с японцами и затем с 1949 года строила новое государство. Дэн Сяопин в начале 1960-х был если не вторым, то третьим человеком после Мао Цзэдуна в стране. Как многие партийные функционеры, он попал под каток репрессий, провел семь лет на сельхозработах, но потом

он вернулся на верх. И он был не один — многие люди после репрессий смогли вернуться в элиту.

Это принципиально отличалось от нашей ситуации 1956 года⁽¹⁶⁾. У нас репрессированные вернулись домой в лучшем случае с персональной пенсией. В Китае же люди, которые создавали новое государство, опираясь на коммунистические ценности, потом с этими же ценностями (а также с опытом жизни на самом дне нового общества) вернулись обратно.

Таким образом, в Восточной Европе были контрэлиты, которые пришли к власти с другими ценностными установками, в Китае была старая элита, которая имела свои ценности и на их основе, столкнувшись с кризисом, смогла выстроить новые институты. А у нас получилась худшая версия — когда к власти пришли очень циничные люди, которые попытались эту власть конвертировать в разного рода блага и ренты.

— Но они же тоже не вечные? Или они и дальше воспроизводились по тому же образцу?

— Вот здесь самое время вернуться к концепции Норта, где выделяется понятие «правлящая коалиция элит». Туда относятся те группы, которые в порядках ограниченного доступа обладают реальной властью и делят между собой потоки ренты.

В моем понимании, в России состав такой коалиции сформировался в контексте президентских выборов 1996 года. Уже тогда в эту коалицию входили три ключевые группы — олигархи, высшая бюрократия и силовики. В середине 1990-х доминирующей группой были олигархи — так как после приватизации и особенно залоговых аукционов⁽¹⁷⁾ у них были финансовые ресурсы. Госаппарат как база для высшей бюрократии был слаб, а силовики, сыгравшие значимую роль в конфликте с Верховным Советом в 1993-м, затем дискредитировали себя во время первой чеченской войны⁽¹⁸⁾.

Доминирование олигархов, которые продавливали выгодные им решения и одновременно блокировали попытки высшей бюрократии стабилизировать финансовую систему и начать собирать налоги, стало одной из главных причин дефолта и девальвации в августе 1998 года⁽¹⁹⁾. В этом крахе прежде всего пострадал нарождавшийся средний класс, но элиты стали осознавать, что если будет вторая волна кризиса, то накроет и их — и они могут потерять активы и власть, приобретенные в 1990-е. Это стало стимулом к началу переговоров между элитными группами.

Считают себя интеллигентами, не стесняются сексизма, уверены в превосходстве над Западом Что мы узнали из книги Элизабет Шимпфесль «Богатые русские: от олигархов к буржуа»

В целом ситуация после кризиса 1998 года отличалась тем, что при той же композиции элитных групп на верхнем уровне — олигархи, высшая бюрократия, силовики — олигархи утратили часть прежнего влияния, а позиции бюрократии усилились. Силовики были ослаблены, хотя они и укрепили свои позиции после второй чеченской войны⁽²⁰⁾. В результате олигархи и высшая бюрократия стали уравнивать друг друга и ни одна из групп не имела доминирования.

Еще одна особенность ситуации начала 2000-х заключалась в том, что это был период надежд и ожиданий — и на самом деле довольно заметных реформ. Была очень радикальная налоговая реформа⁽²¹⁾, которая была быстро запущена и очень быстро реализована. Но не потому, что ее придумали в ЦСР⁽²²⁾ у [Германа] Грефа, а потому, что в рамках неформальных переговоров между бизнесом и государством в течение 1999 года сформировался консенсус о принципах этой реформы: для предотвращения кризисов, подобных дефолту 1998 года,

бизнес должен платить налоги, но для этого налоговая система должна быть проще, ставки налогов должны быть ниже, а государство должно обеспечивать предоставление базовых общественных благ. И именно благодаря этому консенсусу реформа была быстро и успешно реализована.

— Но потом это все, судя по всему, сломалось. Почему?

— Потому что высшая бюрократия и крупный бизнес, которым приходилось в этот период договариваться, внутренне не доверяли друг другу. [Здесь сказалось] советское прошлое, когда все привыкли подозревать другую сторону в оппортунизме⁽²³⁾ — как в известной дилемме заключенных⁽²⁴⁾. В этой связи еще одно теоретическое отступление.

Нобелевский лауреат Эрик Маскин⁽²⁵⁾ на лекции в ВШЭ рассказывал о решениях этой дилеммы в динамической игре⁽²⁶⁾. Представим, что есть плохая среда, где никто никому не верит. Но, например, я готов рискнуть и поверить моему контрагенту. Я могу проиграть — потому что он меня может обмануть. Но если это динамическая игра, когда я заключаю сделку не с одним и тем же, а с разными контрагентами, то на следующем шаге я просто перестаю взаимодействовать с теми, кто меня обманул, и начинаю работать с теми, кто подтвердил свою добросовестность.

Как следствие возникает сегментация: собирается кластер тех людей, кто может доверять друг другу. В итоге у них снижаются издержки, повышается эффективность. Одновременно формируется кластер тех, кто по-прежнему действует в логике «я урву сегодня, а что будет завтра — трава не расти». Такая ситуация сложилась в России в начале 2000-х, когда люди с более длинным горизонтом планирования попытались жить по-другому и начать что-то делать. Но в то же время были и другие.

Дальше существенную роль в решении этой дилеммы заключенных в терминах Маскина играют уже не только действия отдельного игрока, но и общая среда, включая предпочтения со стороны государства. Здесь важно понимать, что государство не существует само по себе. В порядках ограниченного доступа оно является инструментом в руках элит. И это в полной мере проявляется в России.

В 2000–2001 годах у элит — бюрократических и олигархических — шел тяжелый процесс построения институтов в виде той же налоговой реформы, реформы таможенного регулирования, устранения барьеров входа на региональные рынки. Это было трудоемко, потому что каждой стороне приходилось себя ограничивать, нужно было вести переговоры, идти на уступки.

Но когда в 2002 году начался рост цен на нефть, возникла альтернатива — вместо тяжелой работы по созданию условий для экономического роста (от которого выигрывали все, а не только элиты) появился новый источник ренты — в виде доходов от экспорта нефти, получив контроль над которыми можно было потом со всеми остальными не договариваться. В результате между высшей бюрократией и олигархами начался конфликт за контроль над нефтяной рентой, апогеем которого стало дело ЮКОСа⁽²⁷⁾.

Можно обсуждать, уходил ли ЮКОС от налогов или это была разрешенная законом «налоговая оптимизация», но факт в том, что в деле ЮКОСа власть пошла на жесткие репрессивные меры против одной конкретной компании — притом что такие же вещи делали сотни, если не тысячи компаний по всей стране. Иными словами, это было избирательное применение права, и это был очень плохой сигнал для всей системы госуправления. В одном из наших [исследователей] интервью с бизнесом в тот период звучала такая характерная фраза: «После дела ЮКОСа почти любой уважающий себя полковник или майор МВД захотел получить свой „маленький ЮКОС“». Я допускаю, что люди наверху, возможно, не рассчитывали на такой эффект. Но все силовое давление на бизнес, которое

пышно расцвело с середины 2000-х, во многом
вырастал именно отсюда.

ПОРТРЕТ МИХАИЛА ХОДОРКОВСКОГО

Корпорация «Ходорковский» Что сделал бывший олигарх за два с половиной года на свободе.
Репортаж Ильи Жегулева

С 1999 по 2003 год был относительный баланс сил между олигархами и высшей бюрократией, а силовики оставались третьей, менее влиятельной группой. Так что основные договоренности строились между олигархами и высшей бюрократией. После 2003 года структура правящей коалиции изменилась: олигархический бизнес превратился в младшего партнера, а основными партнерами стали высшая бюрократия и силовики. И далее вплоть до конца 2011 года между этими группами был относительный баланс: силовики были влиятельны, но они еще не были доминирующей группой. Бюрократия тоже была влиятельной, но тоже не могла доминировать. В результате между ними шел диалог о том, как выстраивать политику — и внешнюю, и внутреннюю, и экономическую.

— **А бизнес уже просто слушал, что скажут «старшие товарищи»?**

— 2000-е — это был период, когда российская элита хотела стать частью глобальной элиты, интегрироваться в мировое сообщество и сначала была максимально открыта к Европе и ко всему остальному миру.

[Владимир] Путин одним из первых позвонил [Джорджу] Бушу после событий 11 сентября 2001 года⁽²⁸⁾ — это тоже часть нашей истории, это те же самые люди! Но здесь ведь важно понимать, что мы живем в мире, где все конкурируют друг с другом. Запад, безусловно, был не заинтересован в полной разрухе и хаосе на российской территории в 1990-е годы и поэтому выделял поддержку — да, не астрономическую, но помогали как могли.

Но с 2000-х годов, когда началось восстановление России, ее стали воспринимать как потенциального конкурента. И на открытость России реагировали, что называется, умеренно. Я не к тому, что все вокруг — наши враги, это вовсе не так. Но мы все конкурируем, в том числе на постсоветском пространстве. И с 2003–2004 годов неудачи в этой конкуренции стали порождать в Кремле сильное напряжение.

С 2004–2005 годов и далее, особенно на фоне роста цен на нефть, наступил период эйфории, когда и контроль над рентой получили, и вроде всех [внутри страны] построили, а теперь будем строить новую Россию, которую Западу придется уважать. Они нас не любят, но им придется с нами считаться — потому что, несмотря

на отставание по технологиям, у нас есть нефть и газ как рычаг давления.

— **Потому что «мы энергетическая сверхдержава»?**

— Да. И вместе с Китаем, Индией, Бразилией мы можем противостоять «коллективному Западу» и заставим нас уважать. Апофеоз этой истории — речь Путина⁽²⁹⁾ в 2007 году в Мюнхене. Но потом был кризис 2008–2009 годов, который показал, что при всех наших резервах модель все-таки неустойчива. Значительную долю⁽³⁰⁾ этих резервов мы потратили буквально за один год. Началось осознание: модель надо менять. Это как раз модернизация при Медведеве⁽³¹⁾ — инвестиции, инновации и все остальное, но в той же логике: «Мы интегрируемся в глобальный рынок, но на своих условиях и так, чтобы с нами считались». Стоит напомнить, что именно в этот период была попытка перезагрузки отношений с США после войны с Грузией⁽³²⁾ и одновременно началась модернизация и перевооружение армии. На мой взгляд, это было как раз отражением относительного баланса сил между высшей бюрократией и силовиками.

Этот баланс сломался в 2011 году на фоне «арабской весны» и декабрьских протестов⁽³³⁾ против фальсификаций на выборах в Госдуму. Насколько я знаю, на людей в Кремле очень сильное впечатление произвели персональные истории [президента Египта

Хосни] Мубарака⁽³⁴⁾ и [главы Ливии Муаммара] Каддафи⁽³⁵⁾. Это стало одной из причин рокировки между Медведевым и Путиным в сентябре 2011 года.

А затем в ходе массовых протестов, которые были неожиданными для власти, оказалось, что по крайней мере часть крупного бизнеса и высшей бюрократии, придерживающаяся либеральных взглядов, симпатизирует протестующим. Все это стало основанием для резкого поворота во внутренней политике — не только с жестким подавлением оппозиции и охотой на «иностранных агентов», но также с кампанией по национализации элит. На этом фоне доминирующей группой в правящей коалиции однозначно стали силовики.

О СИЛОВИКАХ, ПРИНИМАЮЩИХ РЕШЕНИЯ

В России силовики служат не обществу, а власти.

И лично президенту. Это можно как-то изменить?

Политолог Кирилл Шамиев изучил лучший опыт других стран и рассказывает, чему можно научиться

— С тех пор их доминирующее положение стабильно укреплялось? И сопротивлялись ли этому бизнес и высшая бюрократия?

— Безусловно, укрепление их позиций происходило и дальше. Именно в этот период начинается давление

на высшую бюрократию с арестами губернаторов и федеральных министров. До того вся борьба с коррупцией, как правило, ограничивалась уровнем вице-губернаторов, директоров департаментов или в лучшем случае федеральных замминистров. А вот уровень губернаторов и министров — это период 2014 года и далее: [Вячеслав] Гейзер, [Никита] Белых, [Александр] Хорошавин, потом [Алексей] Улюкаев, [Михаил] Абызов⁽³⁶⁾. Но стоит еще упомянуть уголовные дела против отдельных олигархов, которые в 2008–2011 годах были близки к Медведеву⁽³⁷⁾.

— Почему давление на высшую бюрократию и бизнес усилилось именно в этот период? Какова была природа этого давления: из положения силы, то есть «потому что можем», или потому что силовики, наоборот, видели свое положение недостаточно крепким?

— В моем понимании, скорее второе. Технически силовое давление на элиты было вполне осуществимо и в 2000-е годы, и оно применялось по отношению к бизнесу, как это было с [Владимиром] Гусинским⁽³⁸⁾ или [Михаилом] Ходорковским. В отношениях же между силовиками и высшей бюрократией скорее действовал принцип «живи сам и дай жить другим». При этом до 2008–2009 годов денег хватало на всех. Однако кризис показал, что на самом деле модель неустойчива.

А в 2011 году у правящей верхушки появился страх любой политической либерализации, которая на фоне «арабской весны» и московских протестов стала восприниматься как путь к их личной катастрофе. Поэтому началось подавление любой оппозиции. Но дальше это стало раскручиваться уже и против остальных групп.

Существенную роль здесь сыграл еще один важный момент. В первые годы правления Путина произошла консолидация государства и восстановление контроля над силовыми структурами.

Как это происходило?

В 1990-е годы на фоне отсутствия денег в федеральном бюджете губернаторы финансировали местные структуры МВД, назначение начальников областных УВД происходило по согласованию с ними. То есть по сути они получали контроль над силовым аппаратом. При Путине с самого начала была поставлена задача централизации такого контроля. При этом активно использовалась ФСБ, потому что она как раз оставалась централизованной структурой, и через ФСБ и прокуроров стали возвращать контроль. В том числе через введение в МВД регулярной ротации начальников региональных управлений — для предотвращения их «сращивания» с местными элитами. В ФСБ эта

система была всегда, а в МВД она стала реально внедряться примерно с середины 2000-х — как раз после отмены губернаторских выборов. Одновременно судебную систему попытались сделать независимой — повысив зарплаты и оградив судей от влияния бизнеса и губернаторов.

Но проблема была в том, что эта идея — поставить под контроль силовой аппарат — реализовывалась в ситуации, когда — со ссылками на риски политической дестабилизации и угрозу цветных революций — происходило систематическое ограничение политической конкуренции, НКО, независимых СМИ. В результате разросшийся силовой аппарат, включающий ФСБ, МВД, Следственный комитет, прокуратуру, ФСИН, стал подконтролен Кремлю — с точки зрения назначения начальников всех этих ведомств. Но в реальности силовой блок стал жить своей жизнью — поскольку у кураторов этих ведомств в президентской администрации вся информация об их деятельности основывалась на отчетах самих этих структур или в лучшем случае на отчетах их «смежников в погонах». Следствием этого уже в конце 2000-х стали массовые злоупотребления на местах⁽³⁹⁾, наносившие заметный ущерб репутации федеральных властей. Попытки изменить эту ситуацию с помощью реформы полиции [в 2011–2012 годах] при Медведеве мало что

дали. После 2012 года именно силовики стали основной опорой режима, и высшая элита оказалась в зависимости от них.

— Почему так произошло?

— Во второй половине 2000-х у режима было две опоры — на высшую бюрократию и на силовиков. Высшая бюрократия при этом была заинтересована в экономическом развитии (я имею в виду добросовестную ее часть) и совершенно сознательно пыталась стабилизировать финансовую систему, создавать резервы, обеспечивать интеграцию России в глобальную экономику. Благодаря именно этой высшей бюрократии и особенно ее экономическому блоку российская экономика до сих пор еще не рухнула. Эти люди делали свое дело, но они исходили из определенной картины мира: Россия — часть глобального пространства и при всех напряжениях, конфликтах и расхождении интересов мы остаемся частью глобального мира.

Напротив, силовики никогда не рвались к интеграции с Западом. Они были не против иметь там какие-то активы или доходы, но для них более привычной моделью мира является конфронтация. Здесь как раз возникло расхождение интересов между высшей бюрократией, которая скорее была за развитие

и интеграцию, и силовиками, которые предлагали другую модель и делали упор на безопасность.

— Почему крупный бизнес, которому не нужна война и который сейчас много теряет, все эти годы не пытался противостоять сдвигам в политике?

— Ну во-первых, бизнес пытался — уголовное дело против владельцев ЮКОСа формально было возбуждено из-за ухода от налогов, но все понимали, что реальные причины были политические. При этом власть не случайно старалась максимально задавить и разрушить оппозиционный бизнес — так как у частного бизнеса есть важное отличие от высшей бюрократии и силовиков. У крупной частной компании в России при всех ее неизбежных контактах с государством, которое может использовать разные рычаги давления, есть ее собственные ресурсы, не зависящие от государства.

Государство, конечно, может возбудить уголовное дело и посадить конкретного олигарха, но при этом его бизнес необязательно исчезнет. И собственники такого частного бизнеса, если они персонально не аффилированы с властью, имеют перспективу за рамками нынешнего режима. А вот к руководителям госкомпаний, которых у нас часто тоже причисляют к олигархам, это не относится. Люди, сидящие на позициях гендиректоров или президентов госкорпораций, в действительности принципиально ничем не отличаются от министров или

губернаторов — просто потому, что они назначаются властью и в любой момент могут быть смещены. После чего они теряют доступ к большим ресурсам, которые они до того контролировали.

Помимо Ходорковского были и другие люди из бизнеса, которые долгое время старались отстаивать иные принципы в общественной и политической жизни — например, Дмитрий Борисович Зимин. Но надо сознавать, что любая, даже очень крупная компания сама по себе не является политической силой. Политической силой крупный бизнес становится тогда, когда он выступает консолидированно — как это было, в частности, перед президентскими выборами 1996 года. Однако особенность российского бизнеса заключается в унаследованном с советских времен глубоким недоверии не только к государству, но и друг к другу. Это ярко проявилось в 2003 году, когда попытки выстроить консолидированную позицию крупного бизнеса по делу ЮКОСа провалились.

При этом также нужно понимать, что бизнес неоднороден. Если взять решение по Крыму, то, насколько я понимаю, это было решение лично Путина, которое принималось после обсуждения с крайне узким кругом людей, причем с использованием совершенно неэкономических аргументов. Повлиять на это решение не только крупный бизнес, но и представители высшей бюрократии не очень могли. Однако важное отличие

ситуации 2014 года от текущей, на мой взгляд, в том, что тогда, безусловно, были проигравшие, но одновременно были и выигравшие. И в выигрыше были не только люди в погонах, это были и люди в бизнесе, и целые отрасли — например, агропромышленный комплекс.

В рамках одного опроса в 2018 году у нас с коллегами был эксперимент с попыткой оценить масштабы поддержки присоединения Крыма среди бизнеса. Этот эксперимент делался так, что мы не могли узнать, что конкретно представители предприятий думают именно про присоединение Крыма. Респондентам нужно было ответить, сколько факторов из некоторого списка [не называя, какие именно] они считают позитивными для экономического развития. При этом в контрольной группе присоединение Крыма не упоминалось, а в экспериментальной группе этот фактор был добавлен. Сравнение среднего числа выделенных факторов в экспериментальной и контрольной группах позволяло увидеть, какая доля респондентов считала присоединение Крыма позитивным для экономического развития. Среди крупных компаний само появление в этом списке строчки про Крым приводило к резкому падению количества ответов, многие просто отказались отвечать. А в среднем бизнесе была довольно заметная группа, которая присоединение Крыма поддерживала.

Кто вам сказал, что здесь российские законы? Как провалились в Крыму бизнесмены, приехавшие туда после 2014 года. Репортаж «Медузы»

— Это потому, что они хуже считают деньги, или они реально выигрывали?

— Наверное, это сочетание разных факторов. Дело не в том, что они хуже считают деньги, просто у них короче горизонт, они видели свои рынки и исходили из того, что раз импортных товаров будет меньше, то для российского бизнеса будет больше возможностей — они больше заработают. Были и патриотически настроенные люди, которые считали, что просто надо развивать отечественный бизнес и эти санкции скорее нам на пользу, поскольку они заставят нас работать.

— Одновременно после 2014 года на госслужбу, по моим субъективным наблюдениям, стало приходить все больше чиновников среднего уровня с неплохим образованием и желанием заниматься какой-то модернизацией. Как вы думаете, с каким образом будущего приходили эти люди? С одной стороны, все сидят в страхе: высшая бюрократия молчит, бизнес запуган, а тут чиновники средней руки надеются строить новую Россию — как это сочетается?

— В любой ситуации есть честлюбивые люди, которые считают, что можно пытаться играть по правилам действующей системы. При этом речь идет не только о карьере и социальном статусе. Всегда есть люди, которые хотят изменить что-то в системе к лучшему. Но безусловно, конечное качество госаппарата зависит от соотношения между «чистыми карьеристами» и теми, кто хочет сделать что-то полезное.

После прихода Кириенко в администрацию начались назначения на позиции губернаторов новых людей из категории так называемых молодых технократов. Как правило, это были люди, занимавшие должности уровня федерального замминистра, которых специально посылали в регионы, чтобы они там себя проявили, с прицелом на возможности для дальнейшего карьерного роста. Но пока я не помню, чтобы кто-то из них получил продвижение.

При этом я слышал, как про одного губернатора говорили, что он «седьмой», потому что до него шесть человек отказались от такого назначения. Это довольно характерно, потому что позиция губернатора сопряжена с высокими рисками и не очень понятными перспективами. Надо понимать, что когда вызывают замминистра и предлагают ему эту позицию, то отказ — это черная метка для дальнейшей карьеры. Если люди в этой ситуации все же отказываются, это означает, что они оценивают возможные риски и для них карьерное

повышение такого рода оказывается слишком дорогим по разным параметрам.

Пока в 2000-е годы были сверхдоходы от экспорта нефти, ренты хватало и для элит, и для того, чтобы что-то давать массам, однако проблема была в том, что эти ресурсы проедались — вместо того чтобы использовать их для развития. Кризис 2008–2009 годов⁽⁴⁰⁾ показал, что ресурсов и резервов не так много, как раньше казалось. После чего была попытка медведевской модернизации, завершившаяся после «арабской весны» и наших протестов 2011 года сменой вектора — когда вместо развития приоритетом для высшей элиты стало сохранение того, что есть. В то же время на фоне неоправдавшихся надежд на развитие и разочарования в активной части общества в 2012–2013 годах началось падение рейтингов власти⁽⁴¹⁾. И поскольку на экономические пряники для населения ресурсов уже не осталось, для масс в 2014 году создали иллюзию великой державы.

Но в состоянии патриотического подъема нельзя жить бесконечно — особенно если экономика стагнирует, а элиты в общем и целом живут как прежде. И после выборов 2018 года, когда выяснилось, что, кроме проведения пенсионной реформы⁽⁴²⁾, власть ничего особо менять не собирается, эффект крымского консенсуса⁽⁴³⁾ стал рассеиваться. На этом фоне вновь, как

в 2012–2013 годах, возникла проблема падения рейтингов власти.

ЧТО ДУМАЮТ О ВОЙНЕ И КРИЗИСЕ ЧИТАТЕЛИ «МЕДУЗЫ»

«Руководство страны меньше чем за две недели уничтожило то, что мы строили последние 30 лет»
«Медуза» публикует истории читателей, потерявших работу из-за войны и санкций

Для бюрократических элит у власти долгое время были пряники в виде того, что от них нужна была лояльность, а в обмен власть закрывала глаза: кто-то где-то что-то ворует, активы выводит — ну и ладно, денег хватает. Но денег стало меньше, и пряники для элит стали подрезать. А чтобы они не бунтовали, извините, применяется кнут. Это логика трансформации режима, когда он оказался не способен обеспечить экономическое развитие — просто потому, что люди на самом верху были не способны ограничить самих себя и своих ближайших сподвижников.

— Раз после 2014 года пряников и населению, и элитам становилось все меньше, то сейчас их, кажется, совсем не будет?

— Их точно будет меньше. Обеспечить поддержку со стороны масс можно либо за счет роста доходов, как это было в 2000-е, либо за счет идеологической

мобилизации, как это было в период «крымской весны». То, что происходит сейчас, — это попытка повторить то, что было в 2014 году. На мой взгляд, с гораздо меньшими шансами, потому что сейчас идет реальная война, масштаб санкций на порядок выше, и то же самое касается жесткости их применения. Напомню, что после 2014 года было падение доходов населения на 10%⁽⁴⁴⁾ и система прошла тот кризис за счет патриотической мобилизации, когда обычные люди (но не элиты) ради интересов страны оказались готовы затянуть пояса.

Звучащие сейчас макроэкономические прогнозы исходят из падения ВВП в текущем году на 10–12% с последующей стагнацией в течение нескольких лет. На мой взгляд, эти прогнозы сильно недооценивают ту степень внешнего давления, с которой российская экономика будет сталкиваться в ближайшие годы. Одним из следствий этого неизбежно станет заметное ухудшение уровня жизни.

— Что сейчас происходит с элитами? Мы можем это понять по каким-то косвенным признакам или по тому, что мы знали про них до этого?

— Элиты стали очень закрытыми и опасаются любых контактов. На мой взгляд, люди в элите сейчас исходят из того, что все их разговоры прослушиваются, и [даже] в неформальном общении со знакомыми журналистами

они высказываются максимально патриотично. Поэтому сложно сказать, что они думают на самом деле.

Несколько лет назад, когда ситуация еще была иной, мы делали проект с анализом настроений элит и их представлений о будущем. У нас были интервью на федеральном уровне с чиновниками и на региональном — с чиновниками и с бизнесом. Федеральные чиновники (среди которых были люди разных взглядов — и либералы, и государственники) хорошо понимали, что ситуация сложная, страна идет к кризису, довольно конкретно обозначали проблемы.

Парадокс был в том, что, с одной стороны, люди соглашались, что если ничего не делать, то лет через десять будет очень глубокий кризис, но при этом было ощущение, что никто не был готов что-то делать. Степень разобщенности была очень высокая, как и степень недоверия друг к другу. Четко было видно отсутствие коммуникаций: люди внутри своего лагеря еще как-то контактировали друг с другом, но диалога между группами уже не было. А выработка возможного видения будущего и стратегий развития невозможна без коммуникаций. Это не может сделать один человек.

«Довольных почти нет» Как утверждают источники «Медузы», за три месяца Путин настроил против себя и «партию войны», и тех, кто хочет мира. В Кремле надеются, что «в обозримой перспективе» он уйдет, — и выбирают преемника

— Сейчас экономическая ситуация становится все более тяжелой с каждым месяцем. Что-то все-таки может отрезвить элиты?

— Наверное, глубокий экономический спад их все же отрезвит. Скажем, в конце советского периода, в начале 1990-х, государство было очень слабым, потому что у него была неразумная финансовая политика, банально кончились деньги. Сначала их пытались печатать, потом их пытались занимать у МВФ, Всемирного банка и так далее, а потом выяснилось, что уже нет ничего. И ослабление центральной власти, выражавшееся в том числе в том, что не было средств на содержание силовых структур, привело к тому, что пошли процессы децентрализации — весь этот парад суверенитетов⁽⁴⁵⁾, начавшийся сперва в союзных республиках, а потом, уже при Ельцине, внутри России.

— Вы в начале нашего разговора упоминали, что насилие между элитными группами можно сдерживать, когда есть рента. Получается, что, если

ее не будет, элиты окажутся в ситуации «каждый сам за себя»?

— Да, совершенно верно. Исчерпание рент приводит к тому, что возрастают противоречия внутри правящей коалиции, возникают стимулы к тому, чтобы пересмотреть распределение рент. И начинается война всех со всеми. То, что у нас сейчас наиболее влиятельны именно силовые структуры, — это дополнительный фактор риска. Потому что они уже привыкли чувствовать себя хозяевами жизни, и чем меньше будет ресурсов, которые могли бы их сдерживать, тем, к сожалению, у них будет больше поводов для силового давления на бизнес и прямого передела собственности.

— Выходит, что сверхцентрализация, которая шла последние десятилетия и практически свелась к одному-единственному человеку, в будущем, как пружина, может разжаться и превратиться в сверхдецентрализацию, так?

— Сейчас очень сложно строить прогнозы. Как я уже говорил, мы не знаем, что будет в России через три месяца или через полтора года, но в любом случае мы входим в глубокий экономический кризис, который раньше или позже приведет к политическим потрясениям. В этой связи уже сейчас надо думать о том, что будет с Россией после войны с Украиной и после крушения нынешнего режима. Как свидетельствует

история, развитие событий в таких кризисных ситуациях будет зависеть от множества факторов, которых мы не знаем и не можем предсказать. Но есть вещи, о которых можно говорить с высокой степенью вероятности.

Во-первых, в терминах концепции Норта, о которой мы говорили ранее, Россия, как и большинство других современных государств, относится к порядкам ограниченного доступа. И новый социальный порядок, который возникнет после краха нынешнего, тоже будет с ограниченным доступом — просто потому, что переход к открытому доступу (если его вообще удастся осуществить) занимает 40–50 лет и в России элиты и активная часть общества еще далеко не прошли этот путь. Если нам повезет и в стране найдутся новые лидеры, способные договариваться друг с другом и с миром, это будет порядок ограниченного доступа с более широкой правящей коалицией, отражающей интересы активных неэлитных социальных групп, что позволит создать условия для развития. Но в любом случае не нужно питать иллюзий — мы не можем перескочить через объективные стадии в развитии.

Во-вторых, возможны два варианта перехода к новой системе: либо через полное разрушение старого порядка и приход к власти совершенно новых людей, никак не связанных со старым режимом (как это было во Франции в 1789 году и в России в 1917 году), либо

через очень болезненную трансформацию старой системы (исторические аналоги — СССР 1991 года или ЮАР после отказа от апартеида).

Различия между этими сценариями [с точки зрения последствий] — в количестве жизней, которых будет стоить переход. И если мы хотим снизить цену перехода, то надо сознавать, что избежать волны насилия и обеспечить трансформацию старого режима новые лидеры смогут только в кооперации с частью нынешних элит. А для этого нужно будет договариваться и идти на компромиссы — при всех моральных издержках этого процесса.

В-третьих, Россия — очень большая и очень неоднородная страна. В условиях глубокого кризиса и истощения ресурсов на фоне объективных противоречий между регионами сохранить единство страны можно будет только за счет децентрализации управления — с поиском на местах решений, адекватных для местных условий. Именно этот фактор стал одним из основных в 1990-е — включая появление во многих регионах харизматичных политиков, благодаря которым страна смогла пройти через тот кризис. И в условиях надвигающегося кризиса новые лидеры, которых мы еще не знаем, скорее всего, придут из регионов.

«В Московской области элита изнасилована» Депутат Николай Дижур организовал мусорные протесты. «Медуза» узнала у него, как Подмосковье стало политически активным регионом

Сформулировать возможную модель развития для России нельзя без понимания места России в глобальном мире. В 1991 и в 1998 годах при всей тяжести этих кризисов людям, которые управляли тогда страной, было проще в одном отношении — существовала понятная внешняя система координат глобальной модели капитализма, позволявшая определить, какую политику надо проводить, если мы хотим выйти из кризиса и обеспечить экономическое развитие. Можно обсуждать степень адекватности рецептов, которые тогда давали развивающимся странам и переходным экономикам Всемирный банк, МВФ, а также страны G7, но сейчас очевидно, что у развитых стран масса своих проблем и они едва ли могут служить образцом.

Более того, есть вопросы о судьбе самого глобального капитализма. Одновременно опыт тех немногих стран, которым за последние 60–70 лет удавалось добиться реальных успехов в догоняющем развитии и достичь уровня развитых стран, показывает, что всегда это происходило не за счет копирования чужого опыта, а на основе уникальных решений, возникавших

в процессе взаимодействий между ключевыми группами в национальной элите на фоне сильного внешнего и внутреннего давления. Если мы хотим, чтобы после неизбежного кризиса и смены власти Россия могла развиваться, нам нужно думать о таких решениях.

О ДРУГОМ БУДУЩЕМ

Власть Путина не безгранична. Россия не обречена на авторитаризм Американский профессор Тимоти Фрай опровергает расхожие стереотипы о путинской России

Беседовала **Маргарита Лютова**

(1) Совсем?

Через месяц после начала войны Анатолий Чубайс покинул пост спецпредставителя президента России по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития и уехал из России. Других отставок чиновников не происходило.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Взятие Бастилии

Четырнадцатого июля 1789 года со взятия Бастилии началась Великая французская революция, в результате которой во Франции была уничтожена абсолютная монархия и провозглашена Первая французская республика.

[Вернуться к тексту](#)

(3) Выборы 1994 года в ЮАР

В 1994 году в ЮАР состоялись первые демократические выборы. Победу на них одержал Африканский национальный конгресс, лидером которого был Нельсон Мандела. Мандела вышел на свободу в 1990 году после 27 лет в заключении, сразу же был избран вице-президентом ЮАР и отменил все законы о расовой сегрегации.

[Вернуться к тексту](#)

(4) Институты

Нормы и правила, установившиеся в обществе вместе с механизмами принуждения, которые заставляют им следовать. Институты могут быть формальными — например, законы и юридическая ответственность за их несоблюдение, а также неформальными — например, этические нормы, механизмом принуждения к которым может выступать общественное порицание. Аджемоглу и Робинсон выделяют два типа институтов. Экстрактивные направлены на то, чтобы элиты могли получать

доход за счет всех остальных социальных групп, и инклюзивные, которые, напротив, стимулируют участие всех социальных групп в экономической деятельности.

[Вернуться к тексту.](#)

(5) Дуглас Норт

Американский экономист Дуглас Норт получил Нобелевскую премию в 1993 году за «возрождение исследований в области экономической истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения». Норт — один из классиков новой институциональной теории, среди прочего он изучал, как в странах формируются и развиваются институты.

[Вернуться к тексту.](#)

(6) Это так?

Например, при Хрущеве был создан Новосибирский государственный университет. Кроме того, была осуществлена масштабная реформа образования: в 1956 году в школах было отменено раздельное обучение мальчиков и девочек, под девизом укрепления связи школы с жизнью обновлены школьные программы.

[Вернуться к тексту.](#)

(7) Что сказал Никита Хрущев?

В 1957 году Хрущев в речи на совещании работников сельского хозяйства заявил, что за три года СССР сможет догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения.

[Вернуться к тексту.](#)

(8) Ввод войск в Чехословакию

В 1968 году СССР совместно со странами Варшавского договора (Польшей, ГДР, Венгрией и Болгарией) ввел войска в Чехословакию. Официальной целью военной операции была смена власти в Чехословакии. Ввод войск был реакцией руководства СССР на Пражскую весну — либерализацию в стране, которую пытался проводить Александр Дубчек.

[Вернуться к тексту](#)

(9) Что это значит?

Конституция КНР содержала ограничение на пребывание лидера страны у власти — не более двух пятилетних сроков. В 2018 году, при Си Цзиньпине, Всекитайское собрание народных представителей (высший орган государственной власти в КНР) отменило это положение.

[Вернуться к тексту](#)

(10) Егор Гайдар

Экономист Егор Гайдар вместе с группой ленинградских экономистов с 1983 года работал над программой рыночного реформирования советской экономики. В 1991 году он был назначен зампредом правительства РСФСР по вопросам экономической политики. Гайдар стал идеологом и лидером либеральных экономических реформ 1990-х.

[Вернуться к тексту](#)

(11) Репрессии в Венгрии и Польше

В 1956 году в Венгрии состоялось антикоммунистическое восстание, впоследствии известное как Венгерская революция. Восстание было подавлено советскими войсками. За восстанием последовали массовые аресты — в заключение попали около пяти тысяч человек, более 300 были казнены. В Польше в 1956 году прошло Познанское восстание, оно было жестоко подавлено

властями страны, жертвами столкновений стали 58 человек, свыше 700 были арестованы.

[Вернуться к тексту](#)

(12) Что произошло в 1949 году?

В 1949 году стали официально оформляться блоки стран, которые впоследствии противостояли друг другу в холодной войне СССР и США. Была создана НАТО, а СССР сформировал Совет экономической взаимопомощи — организацию восточноевропейских экономик социалистического лагеря.

[Вернуться к тексту](#)

(13) Европейская идея

Экономисты называют близость к странам Западной Европы институциональным якорем: за счет географической близости страны Восточной Европы могли перенимать европейские институты и идеологию — экономическую интеграцию, свободный рынок, верховенство закона.

[Вернуться к тексту](#)

(14) Мао Цзэдун

Создатель и первый председатель КНР, лидер революции в Китае.

[Вернуться к тексту](#)

(15) XX съезд КПСС

На знаменитом XX съезде КПСС в феврале 1956 года Никита Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях», осуждавшим культ личности Иосифа Сталина и сообщавшим о репрессиях. 1956 год считается датой начала оттепели в СССР.

[Вернуться к тексту](#)

(16) Залоговые аукционы

Схема залоговых аукционов предусматривала передачу государственных предприятий в частные руки в залог и в обмен на предоставление государству кредитов. Несмотря на то что эта схема подверглась активной критике, реальное значение ее сильно переоценено, считает известный исследователь Андерс Ослунд. В итоге из 12 компаний, акции которых были выставлены на продажу, всего четыре сменили фактических собственников, а одна из них (СИДАНКО) тут же была признана банкротом. В итоге были приватизированы нефтяные корпорации ЮКОС и «Сибнефть» и металлургическая компания «Норильский никель».

[Вернуться к тексту](#)

(17) Первая чеченская война

Шла с 9 декабря 1994 года по 31 августа 1996 года. Официально власти называли ее операцией по восстановлению конституционного порядка. Вооруженные силы России вели бои с войсками непризнанной Чеченской республики Ичкерия.

[Вернуться к тексту](#)

(18) Дефолт 1998 года

Из-за падения цены на нефть и последствий азиатского финансового кризиса правительству не хватало денег на исполнение текущих обязательств (например, выплату пенсий и зарплат бюджетникам). Власти стали наращивать долг — и внешний, и внутренний. К августу 1998 года денег не стало хватать и на обслуживание долга, тогда правительство объявило дефолт по рублевым облигациям и ввело мораторий на выплаты по внешнему долгу. В стране разворачивался масштабный экономический кризис: девальвировался рубль, взлетела инфляция, экономика по итогам 1998-го сократилась на 5,3%.

[Вернуться к тексту](#)

(19) Вторая чеченская война

Длилась с августа 1999 года по апрель 2000 года. Официально российские власти называли ее контртеррористической операцией на территории Северо-Кавказского региона. Результатом войны, по официальной версии, стало установление контроля над Чеченской республикой.

[Вернуться к тексту](#)

(20) Налоговая реформа в России

В начале 2000-х в России была введена единая ставка налога на доходы физических лиц 13%, налог на прибыль компаний был снижен с 35 до 20%, отменен налог с продаж, общее количество налогов снизилось в четыре раза.

[Вернуться к тексту](#)

(21) Центр стратегических разработок

Российская некоммерческая организация, разрабатывающая стратегии долгосрочного развития экономики России. Главы совета ЦСР — Герман Греф, Владимир Мау, Алексей Кудрин, Максим Орешкин, Максим Решетников.

[Вернуться к тексту](#)

(22) Что это значит?

Оппортунизм в экономике и политологии — это поведение, которое предполагает уклонение от обязательств контракта (как формального, так и неформального) в угоду исключительно собственным интересам, в том числе обманным путем.

[Вернуться к тексту](#)

(23) Дилемма заключенных

Задача из теории игр, в которой двум заключенным, которые не могут общаться друг с другом, предлагается сделка: свидетельствовать против второго, чтобы он получил срок 10 лет, а давший показания — вышел бы на свободу, либо молчать — и тогда оба получают совсем небольшие сроки (по полгода). Если же оба будут свидетельствовать друг против друга, они будут заключены на два года. Наиболее выгодная стратегия — молчать обоим, но из-за того что они не могут заранее договориться, то, чтобы избежать риска быть оговоренным, в классическом решении оба заключенных предпочтут оговорить друг друга.

[Вернуться к тексту](#)

(24) Эрик Маскин

Американский экономист Эрик Маскин получил Нобелевскую премию в 2007 году за исследования в области дизайна механизмов, одного из направлений теории игр.

[Вернуться к тексту](#)

(25) Динамическая игра

Динамическая игра подразумевает, что она повторяется много раз. Так, в классической дилемме заключенных сделка со следствием предлагается только один раз. В динамическом варианте будет больше одного раунда, то есть у заключенных появляется возможность поменять свою стратегию.

[Вернуться к тексту](#)

(26) Дело ЮКОСа

В мае 2005 года акционер ЮКОСа Михаил Ходорковский и его партнер по бизнесу Платон Лебедев были осуждены на девять лет лишения свободы по обвинению в мошенничестве и уклонению от уплаты налогов. Спустя пять лет бизнесменов приговорили еще к 14 годам заключения по обвинению в хищении нефти и легализации дохода от ее продажи. Позднее сроки были

незначительно снижены. Своей вины бизнесмены не признали. Международные наблюдатели называли дело против ЮКОСа политически мотивированным.

[Вернуться к тексту](#)

(27) Теракт 11 сентября

Одиннадцатого сентября 2001 года члены группировки «Аль-Каида» (движение признано террористическим и запрещено в РФ) совершили несколько терактов в США. Два захваченных ими пассажирских самолета врезались в здание Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, полностью их разрушив, еще один — в здание Пентагона в Вашингтоне, четвертый захваченный лайнер упал в штате Пенсильвания. Жертвами терактов стали около трех тысяч человек.

[Вернуться к тексту](#)

(28) Что это за речь?

Выступление президента России Владимира Путина на конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 года. Российский лидер обвинил США в попытке построения однополярного мира, чрезмерном применении силы в международной политике и провоцировании гонки вооружений. Он также выступил против расширения НАТО и размещения американской системы ПРО в Европе. В Пентагоне речь Путина сравнили с выступлениями времен холодной войны.

[Вернуться к тексту](#)

(29) Это как?

Во время кризиса 2008–2009 годов международные резервы России сократились с пиковых 596,6 миллиарда долларов в мае 2008 года до минимальных 383,8 миллиарда по итогам апреля 2009 года. Основная часть резервов тогда ушла на поддержание курса рубля. В общей сложности антикризисные меры (включая

расходы бюджета) тогда обошлись России в 13,9% ВВП, указывала Счетная палата.

[Вернуться к тексту](#)

(30) Модернизация при Медведеве

В сентябре 2009 года Дмитрий Медведев, занимавший пост президента страны, опубликовал в тогда еще независимом издании «Газета.ру» статью «Россия, вперед!», в которой описывались задачи, которые необходимо решить, чтобы Россия стала конкурентоспособной на мировом уровне. Основным решением Медведев назвал модернизацию экономики и демократии. С тех пор слово «модернизация» регулярно появлялось в официальных выступлениях Медведева.

[Вернуться к тексту](#)

(31) Вооруженный конфликт в Южной Осетии

Восьмого августа 2008 года российские вооруженные силы вступили в конфликт с Грузией на стороне Абхазии и Южной Осетии — непризнанных и не подконтрольных Тбилиси республик. Военные действия длились всего несколько дней. Россия успела за это время начать наступление вглубь территории Грузии и нанести значительный урон грузинским войскам — а затем добиться выгодного перемирия, избежав международной изоляции.

[Вернуться к тексту](#)

(32) Протесты 2011 года

В декабре 2011 года, сразу после выборов в Государственную думу, в Москве прошли крупнейшие массовые выступления с 1993 года, которые были протестом против фальсификаций на выборах. Спустя несколько дней состоялся знаменитый митинг на Болотной площади в Москве и протестные акции во многих других городах России.

[Вернуться к тексту.](#)

(33) Хосни Мубарак

После протестов в Египте в начале 2011 года Мубарак вынужден был уйти в отставку, сначала он был отправлен под домашний арест в собственной резиденции, а спустя два месяца взят под стражу, в августе он предстал перед судом.

[Вернуться к тексту.](#)

(34) Муаммар Каддафи

В июне 2011 года Международный уголовный суд санкционировал арест Каддафи по обвинениям в убийствах и незаконных арестах. К тому моменту в Ливии не первый месяц шла гражданская война. Победу в ней, при поддержке войск НАТО, одержала оппозиция Каддафи. В октябре 2011 года повстанцы захватили Каддафи в плен, убили на глазах толпы. Тело Каддафи было выставлено на общественное обозрение в одном из торговых центров.

[Вернуться к тексту.](#)

(35) Кто все эти люди?

Губернатор Коми Гейзер арестован в 2015 году по обвинению в организации преступного сообщества, приговорен к 11 годам лишения свободы. Губернатор Кировской области Белых арестован в 2016-м по обвинению в получении взятки, в 2018-м приговорен к восьми годам. Губернатор Сахалина Хорошавин арестован в 2015 году по обвинению в получении взятки, в 2018-м приговорен к 13 годам. Министр экономического развития Улюкаев арестован в 2016 году за взятку, приговорен к восьми годам колонии, в 2022-м вышел по УДО. Министр по вопросам открытого правительства Абызов арестован в 2019-м за хищение.

[Вернуться к тексту.](#)

(36) Дело братьев Магомедовых

Весной 2018 года были арестованы бизнесмены Зиявудин и Магомед Магомедовы, братья, совладельцы группы компаний «Сумма» с активами в транспорте, строительстве, нефтегазовом секторе и многих других. На момент ареста состояние Зиявудина Магомедова оценивалось Forbes в 1,4 миллиарда долларов. Он — близкий знакомый Аркадия Дворковича, который был помощником Дмитрия Медведева, когда тот занимал пост президента, а затем — вице-премьером в его правительстве. Братья Магомедовы по состоянию на май 2022 года все еще находятся в СИЗО.

[Вернуться к тексту.](#)

(37) Владимир Гусинский

Бывший российский медиамагнат, владелец новостного ресурса NEWSru.com, основатель телеканала НТВ. В 2000 году Гусинского арестовали по обвинению в мошенничестве в особо крупных размерах, он был освобожден под подписку о невыезде. Гусинский уехал в Испанию, суд там отказал в выдаче бизнесмена российским властям.

[Вернуться к тексту.](#)

(38) Например, какие?

В 2010 году в станице Куцевской Краснодарского края произошло убийство 12 человек, среди них было четверо детей.

По результатам расследования убийства были совершены членами ОПГ «Цапковские». Милиция не препятствовала деятельности ОПГ.

В 2011 году в ОВД «Дальний» в Казани полицейские изнасиловали бутылкой от шампанского 52-летнего Сергея Назарова, в результате чего он скончался в больнице. Приволжский районный суд Казани 16 июня 2014 года признал восьмерых бывших сотрудников ОВД виновными в превышении должностных полномочий и причинении тяжкого вреда здоровью в зависимости от роли каждого.

[Вернуться к тексту.](#)

(39) Экономический кризис

В мире глобальный финансовый кризис, начавшийся с проблем на ипотечном рынке США, принято датировать 2007–2008 годами, но на российской экономике последствия мирового кризиса сказались только в 2009 году, по его итогам ВВП страны упал на 7,8%.

[Вернуться к тексту.](#)

(40) Падение рейтингов

По данным «Левада-центра», который Минюст России объявил «иностранным агентом», рейтинг одобрения деятельности Владимира Путина сократился с 79% в декабре 2010 года до 61% в ноябре 2013 года — это был самый низкий показатель с июня 2000 года.

[Вернуться к тексту.](#)

(41) Пенсионная реформа

В июне 2018 года Дмитрий Медведев (тогда — премьер-министр) объявил, что правительство внесет в Думу законопроект о пенсионной реформе, которая предполагала всего одну меру — поэтапное повышение пенсионного возраста с 60 до 65 лет у мужчин и с 55 до 63 у женщин (впоследствии Владимир Путин распорядился поменять новую планку для женщин с 63 до 60). Повышение началось с 2019 года.

[Вернуться к тексту.](#)

(42) Крымский консенсус

Крымским консенсусом политологи и экономисты называют резкий рост одобрения деятельности президента и других органов власти после присоединения Крыма в 2014 году.

[Вернуться к тексту.](#)

(43) Как это посчитано?

Это совокупное сокращение доходов населения в реальном выражении по итогам 2014–2015 годов (то есть с поправкой на инфляцию) по сравнению с уровнем 2013 года.

[Вернуться к тексту](#)

(44) Парад суверенитетов

Так называют конфликт между Москвой и союзными республиками конца 1980-х — начала 1990-х, в ходе которого все бывшие республики СССР приняли декларации о суверенитете, добиваясь большей политической и экономической автономии. В 1990 году о суверенитете стали заявлять и республики внутри РСФСР.

[Вернуться к тексту](#)

(45) Что это за ренты?

Классический пример — сырьевая рента. Поскольку запасами сырья обладают далеко не все страны, то государства, богатые природными ископаемыми, могут получать дополнительные доходы за счет имеющегося у них ограниченного ресурса. Кроме того, они ограничивают доступ к нему внутри страны — например, чтобы добывать нефть, надо получить специальную лицензию — и таким образом увеличивать свою ренту за счет барьеров для входа на этот рынок.

[Вернуться к тексту](#)